

УДК 322
DOI: 10.21209/2227-9245-2021-27-4-97-106

ОБРАЗЫ СОЦИАЛЬНОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ В КИТАЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

IMAGES OF SOCIAL AND RELIGIOUS SECURITY OF THE RUSSIAN-CHINESE BORDER REGION IN CHINESE RESEARCH

Н. П. Романова,
Забайкальский государственный
университет, г. Чита
rik-romanova-chita@mail.ru

А. В. Жуков,
Забайкальский государственный
университет, г. Чита
artem_jukov68@mail.ru

С. В. Кононов,
Дальневосточное высшее общевойсковое
командное училище им. Маршала
Советского Союза К. К. Рокоссовского,
г. Благовещенск
kononov7744@yandex.ru

N. Romanova,
Transbaikal State University,
Chita

A. Zhukov,
Transbaikal State University,
Chita

S. Kononov,
Far Eastern Higher Combined Arms Com-
mand School named after Marshal of the
Soviet Union K.K. Rokossovsky

Статья посвящена выявлению специфики представлений о социальной безопасности российско-китайского приграничья в китайских исследованиях российско-китайского взаимодействия. Анализ китайских исследований российско-китайского взаимодействия на предмет выявления в них представлений о социальной безопасности осуществляется методом исторической интроспекции и концептуализации. Результатом исследования является концептуализация аспектов социальной безопасности в китайских описаниях российско-китайского взаимодействия в период до 70-х гг. ХХ в. в рамках «имперской концепции», где ключевое значение имели взаимоотношения между Китаем и Россией, как угроза безопасности. Второй результат – выявление аспектов трансформации «имперской концепции» в период 80–90-х гг. ХХ в. в рамках идей, доказывающих наличие «российской угрозы», и идей, согласно которым Россия может оказывать как негативное, так и позитивное влияние на становление социальной безопасности. Третьим результатом является определение специфики понимания социальной безопасности в китайских исследованиях российско-китайского взаимодействия в XXI в., где наряду с «имперской концепцией» под влиянием западной методологии сформировалась концепция «социального регионализма», которая в качестве факторов социальной безопасности приграничного региона рассматривает широкий круг социальных процессов, таких как экономическое развитие, интеграция региона, политика, направленная на разрешение социальных проблем и противоречий, стратегии формирования регионального сознания и идентичности.

Ключевые слова: российско-китайское приграничье; социальная безопасность; приграничный регион; концепции российско-китайского взаимодействия; китайские исследования; «имперская концепция»; социальный регионализм; метод концептуализации; трансформация; религиозное сознание

The article is devoted to identifying the specifics of ideas about the social security of the territories of the Russian-Chinese border area in Chinese studies of Russian-Chinese interaction. The analysis of Chinese research of Russian-Chinese interaction for the identification of ideas about social security is carried out by the method of

historical introspection and conceptualization of ideas about social security and the factors of its formation. The result of the study is the conceptualization of social security aspects in Chinese descriptions of Russian-Chinese interaction in the period up to 70^{ties} of the XX century within the framework of the Imperial Concept, where the key importance had a relationship between China and Russia, as a threat to security. The second result is to identify aspects of the Imperial Concept transformation in the period of 80-90^{ties} of the XX century as a part of ideas proving the existence of a "Russian threat" and ideas, according to which Russia can have both negative and positive impact on the formation of the social security of the Russian-Chinese border. The third result is to determine the understanding specifics of social security in Chinese studies of Russian-Chinese interaction in the XXI century, where, along with the "Imperial Concept," under the influence of the Western methodology, the concept of "social regionalism" was formed, which as the factors of the social security of the border region consider a wide circle of social processes, such as economic development, integration of the region, a policy aimed at resolving social problems and contradictions, strategies for the formation of regional consciousness and identity.

Key words: *Russian-Chinese border; social security; border region; concepts of Russian-Chinese interaction; Chinese research; "imperial concept"; social regionalism; method conceptualization; transformation; religious consciousness*

Введение. В последние десятилетия регион российско-китайского приграничья испытывает нарастающее влияние со стороны Китайской Народной Республики, стремительно усиливающей свои позиции в мировой политике, экономике и культуре. Бурное развитие этой страны оказывает существенное воздействие на осуществление ее стратегий экономического, политического, культурного, социального взаимодействия с регионами, находящимися вблизи своих границ. Поэтому актуальной темой для исследований представляется формирование социальной безопасности регионов, где Китай является наиболее существенным фактором развития социальной ситуации. Проблему представляет то, что исследователи ряда западных стран и России испытывают опасения в связи с усилением Китая, которое может стать фактором дестабилизации социальной ситуации в регионе российско-китайского приграничья. Однако официальная китайская историография утверждает, что Китай придерживается политики «ненападения». Это ставит вопрос о необходимости анализа китайских исследований российско-китайского взаимодействия на предмет выявления в них и последующей концептуализации представлений о социальной безопасности российско-китайского приграничья и факторах ее формирования.

Степень исследованности. Социальная безопасность на территории российско-китайского приграничья не является предметом исследований китайских авторов, однако различные аспекты этой темы затрагиваются в китайской историографии, посвящённой взаимодействию Китая и зарубежных стран. В частности, аспекты угроз, которые,

по мнению китайских авторов, исходили от России, были описаны в обзорах, сделанных российскими исследователями, такими как В. П. Васильев [2], Д. А. Владимира [3], С. Ю. Врадий [4], В. Глуздовский [5], А. В. Жуков [7], А. И. Козинец [8], В. А. Корсун [9]. Обсуждение проблематики безопасности в регионе российско-китайского приграничья проходило в трудах таких китайских исследователей, как Ван Чжичэн [1], Ли Сингэн, Ли Жэньнян [10], Лю Юаньюань [11], Го Юньшэнь [6], Сюнь Цзе, Сяо Хуанжун [13], Ху Аньган [14], Чжан Хуэйцинь [15], Чжан Цзунхай [16], Чжу Юньчжэн и Ян Вэйлин [19], Ши Гохуа [21], Цуй Юн [16], Юй Юань ань [22], посвящённых российско-китайским отношениям. Современная методология исследований социальной безопасности в российско-китайском приграничье формировалась под влиянием положений L. Fawcett [23], Shi Shih-Jiunn [24], W. Xinbo [25], W-W Zhang [26], разрабатывавших концепцию комплексов региональной безопасности по отношению к региону Восточной Азии.

Цель исследования – концептуализация представлений о социальной безопасности российско-китайского приграничья в китайских исследованиях.

Задачи исследования:

- выявление аспектов социальной безопасности в китайских описаниях российско-китайского взаимодействия в период XVII в. – 70-е гг. XX в.;
- анализ трансформации концепции «российской угрозы» в описаниях российско-китайского взаимодействия периода 80–90-х гг. XX в.;
- анализ формирования проблематики социальной безопасности в исследовани-

ях российско-китайского взаимодействия в XXI в.

Объект исследования – российско-китайское взаимодействие.

Предмет исследования – аспекты социальной безопасности приграничных регионов в китайских концепциях российско-китайского взаимодействия.

Методология исследования для решения первой задачи основана на привлечении сравнительно-исторического анализа; для решения второй задачи – герменевтического метода, для решения третьей задачи – концептуализации, систематизации, моделировании.

Теоретическое значение исследования связывается с определением специфики китайских подходов к пониманию социальной безопасности российско-китайского приграничья.

Практическое значение связано с выделением оценочных и описательных аспектов социальной безопасности в китайских концепциях и определением степени их применимости при анализе проблем развития данной социальной системы.

Результаты исследования.

1. В XVII–XIX вв. в связи с формированием российско-китайского приграничья в китайской историографии появился интерес к «чужакам», воспринимаемым как военная и социальная угроза. В XVII в. в китайских описаниях китайско-российского взаимодействия господствовали идеи об угрозе со стороны «варваров», защита от социального влияния которых могла проводиться путём их изоляции и путём приобщения к китайской культуре. С середины XIX в. появились характеристики России, где фиксировалось наличие высокого уровня промышленности, просвещения и военного дела, признаваемых как угроза социальной безопасности страны. Однако угрозу также представляло распространение социальных порядков российского общества, так как россияне считались безнравственными и развращёнными. Вплоть до 70-х гг. XX в. представления о социальной безопасности российско-китайского приграничья сформировались в китайских исследованиях в «имперскую концепцию», где ключевое значение имели взаимоотношения между Китаем и Россией как угроза безопасности.

2. Начиная с 80-х гг. XX в., позитивное развитие российско-китайских отношений привело к открытию новых тем, существен-

ным аспектом которых стало внимание к социальной безопасности российско-китайского приграничья, вызванное под влиянием как традиционных представлений, так и новаторских подходов. При этом доминирование сохранила «имперская концепция», представители которой, основываясь на сложившиеся стереотипы, защищали положение об «агрессивном характере» России и негативном влиянии русских на социальную ситуацию в приграничье. Однако в этот период появилась группа учёных, не отрицавших её положительной роли в развитии социальной безопасности российско-китайского приграничья, наряду с сохранением критического отношения к России.

3. В XXI в. в китайской науке меняется отношение к проблеме социальной безопасности российско-китайского приграничья. Под влиянием западной методологии, базирующейся на принципах постмодернизма, инструментализма и социального реализма, в Китае формируется концепция социального регионализма, аспектом которой является социальная безопасность российско-китайского приграничья. Китайские аналитики отходят от узкого противопоставления России и Китая и рассматривают как основание социальной безопасности региона широкий круг факторов, включая уровень экономического развития и интеграции региона; отмечают значимость политики, направленной на разрешение социальных проблем, необходимость формирования регионального сознания и идентичности.

Обсуждение результатов. Аспекты социальной безопасности в китайских описаниях российско-китайского взаимодействия до 70-х гг. ХХ в.

В Китае нет работ, напрямую посвящённых социальной безопасности российско-китайского приграничья. Эта тема, как пишет В. Глаздовский, долгое время была не интересна китайским исследователям, которые по традиции равнодушно относились к соседям, в том числе к «северным варварам» [5, с. 58]. Однако её аспекты затрагивались в описаниях взаимодействия Китая с иными странами, проанализированных В. П. Васильевым, Ф. В. Соловьевым, А. Г. Ларинным, А. И. Петровым, О. А. Трофимовым, Д. И. Шрейдером, Д. А. Владимировой [3].

В XVII–XX вв. в связи с активизацией взаимодействия между Россией и Китаем

и формированием российско-китайского приграничья в китайской историографии появился интерес к «чужакам», воспринимаемым как угроза социальному пространству, считавшемуся китайским. Эта концепция была проанализирована такими китайскими авторами, как Ша Эцинь, Го Юньшэнь, Чжоу Илян, Ханьлинь Чан Шу [12], которые отмечали, что на первоначальном этапе развития российско-китайских отношений образ России складывался в рамках китаецентристской концепции. Согласно общему мнению аналитиков китайской историографии этого периода, основу представлений о социальной опасности представляла идея взаимодействия между цивилизованными людьми и «варварами», которая сводила на нет любые достижения некитайских культур. Согласно этой идеи, «варвары» практиковали неповиновение, агрессивность, непочитание предков, разврат. Это могло повлиять на устои китайского общества, поэтому его социальная безопасность представлялась как система изоляционистских мер, защищающих китайцев от влияния русских. При этом наряду с отрицательными оценками китайские авторы, как пишет Цин ши янъязюзи, часто указывали на такие их характеристики, как умение владеть оружием и бесстрашие в войне [15]. Однако данные описания китайцы использовали не в целях признания положительного влияния русских, а как констатацию угрозы с их стороны [6]. В китайских описаниях китайско-российского взаимодействия использовалась идея о безопасности, которая могла проводиться путём не только военной защиты, но и приобщения этих «варваров» к китайской культуре. Как писали китайские историографы, русские, несмотря на дикость, посыпали в Китай послов (Ф. И. Байкова, И. С. Перфильева, С. Аблина), и выражали стремление подчиниться китайскому императору [2].

В дальнейшем идея «угрозы варваров» оставалась основой большинства описаний российско-китайского взаимодействия, которые, как указывают Вэй Юань, Ли Сингэн и Ли Жэнь нянь, велись в течение XVIII–XIX вв. Однако с 50-х гг. XIX в. акценты в описаниях угроз со стороны России изменились по причине увеличения контактов и появления нового знания об этой стране [10]. В частности, это проявилось в описаниях чиновников, отправляемых в Россию с целью организации

помощи в решении проблем китайско-японского противостояния. Среди этих описаний выделяются дневники, авторами которых были Линь Цзэсюй, Ван Чичунь, Мяо Юсунь, Яо Ин, Ян Сюаньчжи, зафиксировавшие, что усиление политического и экономического влияния России представляло угрозу, как и распространение безнравственности российского общества [4].

Следующий период развития представлений о социальной безопасности российско-китайского приграничья начинается с первых десятилетий XX в. и продолжается до 60–70 гг. XX в. Это время характеризуется ухудшением взаимоотношений между Китаем и Россией, а затем Советским Союзом. Китай ощущал негативные последствия «опиумных» войн, «боксёрского» восстания и «культурного» влияния Запада, с которым ассоциировалась и Россия. Эти обстоятельства влияли на содержание научных трудов, затрагивающих вопросы социальной безопасности российско-китайского приграничья, которые, опираясь на официальную точку зрения, объявляли актом агрессии все виды деятельности России, включая военную, экономическую и гуманитарную, у границ Китая [3]. Любые виды российско-китайского взаимодействия оценивались в рамках представлений, согласно которым отношения между Китаем и другими государствами представляли собой взаимодействие между культурой Поднебесной империи и «варварскими» народами. Однако по отношению к России понятие о варварах было трансформировано в понятие о государстве, имеющем развитую экономику, влиятельную политику, обладающую мощными вооружёнными силами, но ведущем агрессивную политику по отношению к Китаю. Таким образом, представления о социальной безопасности российско-китайского приграничья сформировались в «имперскую концепцию», где ключевое значение имели взаимоотношения между Китаем как Поднебесной империей и Россией как «империей зла» [8].

Примером исследований, выполненных в рамках «имперской концепции», являются публикации Юй Шэнью, Ша Эцинь, Юй Юаньяна [22], рассказывающие об освободительной борьбе китайского народа с «иностранными захватчиками» в Северной Манчжурии и на полуострове Ляодун. Аргументация этих публикаций была нацелена на доказатель-

ство тезиса о «вторжении» и «хитром проникновении» русских в северные регионы Китая, часть из которых была аннексирована и вошла в состав России. Значительное место в публикациях заняли описания социальных угроз китайскому обществу со стороны русских, жестоко угнетающих китайский народ [20]. В целом, китайская наука до 1970-х гг. полностью зависела от политической конъюнктуры, которая определяла содержание представлений о социальной безопасности в регионе китайско-российского приграничья, зависимого, согласно «имперской концепции» безопасности, от условий противостояния Китая и России.

Трансформация концепции «российской угрозы» в описаниях российско-китайского взаимодействия периода 80–90-х гг. XX в.

С появлением конструктивных тенденций, начиная с 80-х гг. XX в., в российско-китайских отношениях произошло изменение политической конъюнктуры. Это способствовало увеличению интереса исследователей к оценке роли России на территориях приграничья. Китайские учёные приступили к концептуальному анализу факторов формирования социального развития этого региона [9]. Аспектом этих исследований стало внимание к социальной безопасности, вызванное влиянием традиционных представлений и новаторских подходов. Однако и в это время была более распространена «имперская концепция», отражённая в монографии Бу Пина, Чжан Цзунхая, разворачивающих картину агрессии России. Описания выступлений народных масс против российской оккупации содержатся в публикациях Го Гуйлань, Ван Силяна, Сюэ Сяньтиана, Ли Гуана, У Ши'ина, Ци Сюэцзюня, Чжан ЧАО. Об экономических угрозах России пишут Ма Чжинин, Го Юньшэнь, Цюй Цунгуй, Хэ Сяньпин, Чжан Фэнмин. О преследованиях китайского населения упоминают Ли Цикуй и Чжан Цзунхай [18].

В этот период появилась группа китайских учёных, которые наряду с сохранением критического отношения к России не отрицали её положительной роли в развитии приграничного региона. В частности, положительные коннотации имеет тема строительства КВЖД, отражённая в трудах Ли Шусяо, Ли Цинцзе, Ван Шэцзинь, Ли Сингэн, Чжу Юньчжэн, Ши Фан, Ши Гохуа [19], призывающих деликатно освещать спорные проблемы российско-китайского приграни-

чья. Такие исследования проводят Ши Фан, Ли Дэбин, Чжу Юньчжэн и Ян Вэйлин [17], которые показывают, что заселение и развитие этих территорий проходило благодаря построенной русскими железной дороге и развитию социальной инфраструктуры, связанной с ней. В публикациях Синь Пэй линь, Чжан Фэй мин, Ван Чжичэн [1] высокую оценку получил вклад российских строителей, железнодорожников, врачей, учителей.

Время 80–90-х гг. XX в. становится периодом, когда формируется предметное поле исследований межкультурной коммуникации в российско-китайском приграничье, примером являются публикации Го Юньшэнь, Цзи Фэнхуй, Чжоу Илян, Ли Сингэн и Ли Жэнъян [10], которые анализировали социальное поведение россиян, вызывавшее страх у китайского населения. Эти работы освещают проблему развития общения с россиянами, позитивно влияющего на эволюцию культуры Китая. Таким образом, оценки российского влияния на приграничные территории в работах этого периода претерпевают трансформацию. Авторы акцентируют внимание не только на негативные последствия российского присутствия, но и на то, что российская культура оказывала благотворное влияние на развитие Китая и, следовательно, на систему социальной безопасности в российско-китайском приграничье.

Формирование современной проблематики социальной безопасности в исследованиях российско-китайского взаимодействия в XXI в.

В начале нового столетия в китайской науке происходил процесс дальнейшей трансформации подходов к описанию социальной безопасности в российско-китайском приграничье. Главной причиной этого является развитие дружественных отношений между нашими странами, ведущее к увеличению политических, экономических, культурных контактов. В то же время на развитие представлений о социальной безопасности в регионе приграничья влияло и распространение методологии западных исследований региональной безопасности. Помимо «имперской концепции» среди китайских авторов стали распространяться и иные оценки оснований и последствия российско-китайских отношений в регионе приграничья, основанных на интересе к вопросам взаимообогащения культурных традиций России и Китая.

Основной идеей современных исследований российско-китайского взаимодействия по-прежнему остаётся обоснование необходимости того, что распространение влияния Китая и уменьшение влияния России является фактором социальной безопасности. Эта идея развивается положениями «имперской концепции» в публикациях Чжан Цзяньцзина, Ван Шаогуна, Юй Кэпина, Ван Хунина, Чжоу Юндуна, Лю Ячжоу, Юй Гочжэна, Лю Юаньюаня [11], которые доказывают, что доминирование Китая в регионе является стратегической необходимостью его безопасности и социального развития. Эта группа исследователей своим предметом считает критику России, которая с помощью агрессии или обмана вынуждает Китай вступать в невыгодные для него отношения в сфере политики и экономики. Одновременно продолжаются разработки, в которых наряду с указанием на агрессивный характер российского вмешательства признаётся его позитивное влияние на развитие социальной безопасности этих регионов. В частности, о позитивном влиянии России на северные территории Китая пишут Дай Сюнь, Ли Шу сяо, Ли Юаньци, Цзэн Ичжи, Сюнь Цзе. Таким образом, в Китае сохраняют влияние традиционные концепции, где социальная безопасность в регионе выступает в качестве аспекта анализа российско-китайских отношений.

Под влиянием западной методологии, базирующейся на принципах постмодернизма, инструментализма и социального реализма, в Китае формируется концепция социального регионализма А. Ачарья, У. Занга, Б. Бузана, Л. Фоусета [23], одним из аспектов которой является социальная безопасность российско-китайского приграничья. В работах китайских учёных, таких как Пан Чжунъин, Хан Айюн, Ци Сифэн, Гонг Сен и Ли Бинцинь, Ван Чунгун, Рен Донгбо, У Занг [26], занимающихся анализом международных, социальных, экономических, отношений, восточноазиатский регионализм понимается как самостоятельная по отношению к глобализационному влиянию политика регионов, предусматривающая региональное сотрудничество и систему социальной безопасности. Однако характерными чертами их концепции является также освобождение от влияния «имперских взглядов» и стремление к всестороннему отражению социального развития регионов.

Примером такой концепции служит мнение, раскрываемое в исследованиях Сяо Ханжун [13], который указывает на необходимость равноправного сотрудничества между государственными, неправительственными организациями и институтами регионального общества. Концепции региональной интеграции, совершающей Китаем для процветания социальной жизни населения восточноазиатского региона, представляют Лиу Сичжун, Синь Лицюань, Чен Юн, У Чжунминь, Ли Сянъян, Ху Аньган [14], разрабатывающие эрфикс нового регионализма. В их исследованиях дано обоснование идеи, согласно которой благодаря усилиям КНР формируется стратегия регионального сотрудничества, предполагающая гармоничное использование региональных ресурсов во имя развития уровня общественного благосостояния. Однако социальную систему восточноазиатского региона составляют не только экономические и политические аспекты, но и вопросы идеологии, региональной идентичности, социальной ответственности и справедливости во взаимодействии различных народов, которые раскрывают Ли Минмин, Ли Фэн, ЧжуЯлин и Лю Цзяньянь, Ши-Джунн Ши [24].

Как пишут Ли Хуэй, Фэн Шаолэй и Цуй Хэн, Китай постулирует принципы политического и военного невмешательства и равноправия во взаимодействии с другими странами, находящимися в непосредственной близости с Китаем. Современные китайские исследователи Пу Инн, Цю Вэй, Цуй Чжен, В. Ксинбо [25] считают, что Россия не должна рассматривать взаимодействие с Китаем как угрозу. Постулатом этой концепции является утверждение о том, что система социальной безопасности российско-китайского приграничья в условиях интенсификации регионального сотрудничества будет только укрепляться и развиваться [27]. По мнению Ван Хайюня [7], целью Китайской Народной Республики в области обеспечения социальной безопасности региона является организация сотрудничества с Россией на территории приграничья. Однако в этом совместном процессе, как полагает Ван Хаюнь, Россия выступает в роли слабого партнёра, который нуждается в помощи более развитого Китая.

Подтверждают эти умозаключения И. Стори и Х. Уи, Фан Вэйгуй, Чжоу Нин, Цуй Юн [16], которые пишут, что Китай проводит политику,

направленную на развитие социально-экономической сферы окружающих территорий, но сталкивается с негативным информационным воздействием со стороны внешнеполитических оппонентов. Поэтому именно этот фактор, связываемый главным образом с деятельностью западных государств, отражающих дискурс глобалистики, как считают Лю Гэ, Ни Цзаньпин и Хуан Вэйхун, Чжоу Нин, Шэнь Цзянин, Чэн Маньли, Ван Цзечжи, Чжан Хуэйцинь [17], является действительной угрозой социальной безопасности региона российско-китайского приграничья. Таким образом, современные представители концепции социального регионализма полагают, что на формирование социальной безопасности российско-китайского приграничья оказывает влияние широкий круг факторов, среди которых большое значение принадлежит информационному фактору социальной безопасности. Они утверждают, что Китай оказывает самое благоприятное влияние на формирование социальной безопасности всей северо-восточной Азии и российско-китайского приграничья, в частности, при этом доказывают, что существенную роль в данном процессе играет диалог между Россией и Китаем, который формирует плодотворную почву, способствующую укреплению взаимодействия между ними в политике, экономике, культуре и социальной жизнедеятельности.

Заключение. Проблема социальной безопасности российско-китайского приграничья как самостоятельный предмет не рассматривается в китайских исследованиях, однако различные аспекты социальной безопасности данного региона входят в содержание описаний, сделанных китайскими исследователями российско-китайского взаимодействия. Эволюция представлений о социальной безопасности у китайских авторов концептуализируется в рамках анализа основных этапов развития китайской историографии, включая этап до 70 гг. XX в., этап 80–90 х гг. XX в. и современный этап. Итоги приведённого анализа показывают, что первоначальное восприятие проблем социальной безопасности российско-китайского приграничья в Китае интерпретировалось в рамках традиционных представлений о влиянии «варваров» на цивилизованных подданных Поднебесной империи. Однако постепенно по мере накопления знаний о воинственном соседе, обладающем развитой экономикой, но неразвитой социальной культу-

турой, привело к оформлению «имперской» концепции, оценивающей влияние России как военную и экономическую агрессию против китайского народа. Однако изменения в политической конъюнктуре, произошедшие в течение 80–90-х гг. XX в., дали толчок к трансформации концептуальных представлений китайских исследователей о социальной безопасности российско-китайского приграничья. В этот период изменения коснулись содержания «имперской» концепции, в рамках которой часть авторов, признавая объективность «российской угрозы», стала говорить об отдельных позитивных событиях и элементах российского влияния, каким, к примеру, были последствия строительства КВЖД и связанной с ней социальной структуры.

В первые десятилетия XXI в. в китайской науке происходит качественный пересмотр концепций российско-китайского взаимодействия и меняется отношение к проблеме социальной безопасности российско-китайского приграничья. Исследования этого периода не лишены политического контекста, указывающего на наличие угроз со стороны северного соседа, но их всё больше волнуют вопросы взаимообогащения культурных традиций России и Китая. Под влиянием методологии западных исследований социальных проблем регионов, базирующейся на принципах постмодернизма, инструментализма и социального реализма, в Китае формируется концепция социального регионализма, одним из аспектов которой является социальная безопасность Восточно-Азиатского региона. Китайские аналитики отходят от анализа противопоставления России и Китая и рассматривают как основание социальной безопасности региона широкий круг факторов, включая уровень экономического развития и интеграции региона; отмечают значимость политики, направленной на разрешение социальных проблем и противоречий, необходимость формирования регионального сознания и идентичности. Исследование показывает перспективность разработки проблематики социальной безопасности российско-китайского приграничья с учётом китайских мировоззренческих оценок, представляемого в их исследованиях фактического материала, а также методологии «социального регионализма», разрабатываемой в китайских исследованиях на протяжении первых десятилетий XXI в.

Список литературы

1. Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае. М.: Русский путь, 2008. 573 с.
2. Васильев В. П. Открытие Китая // Вестник всемирной истории. 1900. С. 97–103.
3. Владимирова Д. А. Эволюция образа россиян в китайской историографии // Россия и АТР. 2008. № 4. С. 91–103.
4. Врадий С. Ю. Произведение Линь Цзэсюя как источник для изучения представлений о России в Китае XIX в. // Известия Восточного института ДВГУ. 1996. № 3. С. 167–187.
5. Глаздовский В. Приморско-Амурская окраина и Северная Маньчжурия. Владивосток: Далекая окраина, 1917. 184 с.
6. Го Юньшэн. Чжун-Э чае мао ши = История чайной торговли между Китаем и Россией. Харбин: [Б.и.], 1995. С. 12–13; С. 112–119.
7. Жуков А. В., Жукова А. А., Соловьева Н. А. Методология исследования и конструирование образов «этнических культур» в современном Китае // Гуманитарный вектор. 2015. № 2. С. 104–111.
8. Козинец А. И. Конфуцианский порядок в Восточной Азии: значение для теории международных отношений // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2016. № 2. С. 107–122.
9. Корсун В. А. Внешнеполитический механизм с «китайской спецификой» // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 1. С. 221–236.
10. Ли Сингэн, Ли Жэньян. Ряска в непогоду. Российские эмигранты в Китае. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1997. 245 с.
11. Лю Юаньюань. Имидж Китая в восприятии российского общества: автореф. ... канд. соц. наук: 22.00.04. М., 2010. 20 с.
12. Русско-китайские отношения в XVII веке: документы и материалы: в 2 т. Т. 2. 1689–1691. М.: Наука, 1972. С. 660–689.
13. Сяо Хуанжун. Регионализм: историческая эволюция теории. Пекин: Изд-во Пекин. ин-та телерадиовещания и прессы, 2002. 256 с.
14. Ху Аньган. Тенденции будущего развития Китая и России и их стратегическое сотрудничество // Стратегический партнерский диалог между Россией и Китаем. Современное состояние, проблемы, предложения. М.: Форум, 2014. Кн.1. 256 с.
15. Цин ши яньцзюцзи. Ди и цзи = Сборник исследований по истории династии Цин. Пекин: Blossom Press, 1980. Ч. 1. С. 112.
16. Цуй Юн. Образы Китая и России в межкультурной коммуникации: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. Комсомольск-на-Амуре, 2011. 127 с.
17. Чжан Хуэйцин. Образ Китая в комментариях к новостям о Китае (на материалах портала Рамблер) // Медиатекст: структура, композиция, векторы обновления. Пекин: Blossom Press, 2014. С. 82–93.
18. Чжан Цзунхай. Юань Дун дицю шицзичжи цзяоды Чжун-Э гуаньси = Китайско-российские отношения на Дальнем Востоке на стыке веков. Харбин: [Б.и.], 2000. С. 14–15, 92, 187.
19. Чжу Юньчжэн, Ян Вэйлин. Русские в провинции Цзи линь // Россия и АТР. 1995. № 2. С. 62–65.
20. Ша Эцинь Хуа ши цзяньбянь = Краткая история интервенции царской России в Китай. Цзи линь, 1976. С. 35–43.
21. Ши Гохуа. Русские в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 2. С. 228–230.
22. Юй Юань ань. Чжун-Элян гожэньминь юхаогуань си сань бай нянь = Триста лет дружбы китайского и русского народов // Лиши яньцю. 1957. № 11. С. 50–55.
23. Fawcett L. Regionalism by Emulation: Considerations across Time and Space // Interregionalism and the European Union. Post-revisionist Approach to Europe's Place in a Changing World / Ed. by M. Telo, L. Fawcett, F. Ponjaert. Abington: Routledge, 2016. P. 33–55.
24. Shih-Jiunn Shi. Social decentralization: exploring the competitive solidarity of regional social protection in China // Journal of Asian Public Policy November, 2016. № 10. Pp. 1–16.
25. Xinbo W. Chinese perspectives on building an East Asian community in the twenty-first century // Asia's new multilateralism: Cooperation, competition, and the search for community / ed. by M. J. Green, B. Gill. N. Y.: Columbia University Press. 2009. 382 p. P. 55–77.
26. Zhang W-W. The China Horizon: Glory and Dream of a Civilizational State / W-W. Zhang - World Century Publishing Corporation, 2016. 300 p.
27. Zhukov A., Bernyikevich T. Religious security of the Russian Federation as Reflection object of the philosophy and religious studies // MATEC Web of Conferences. electronic edition. 2018. С. 10003.

References

1. Van Chzichen. *Istoriya russkoy emigratsii v Shanghae* (Russian Russian Russian Emigration History in Shanghai). Moscow: Russian Way, 2008. 573 p.
2. Vasilev V. P. *Vestnik vsemirnoy istorii. 1900* (Bulletin of the World History), 1900, pp. 97–103.
3. Vladimirova D. A. *Rossiya i ATR* (Russia and the Asia-Pacific Region), 2008, no. 4, pp. 91–103.
4. Vradiy S. Yu. *Izvestiya Vostochnogo instituta DVGU* (News of the Eastern Institute of the Far Eastern State University), 1996, no. 3, pp. 167–187.
5. Gluzdovskiy V. *Primorsko-Amurskaya okraina i Severnaya Manchzhuriya* (Primorsko-Amur region and Northern Manchuria). Vladivostok: The Distant Outskirts, 1917. 184 p.
6. Go Yunshen. *Chzhun-E chae maoi shi = Istoriya chaynoy torgovli mezhdu Kitaem i Rossiey* (Zhong-E chae maoi shi = History of the tea trade between China and Russia). Harbin, 1995, pp. 12–13; pp. 112–119.
7. Zhukov A. V., Zhukova A. A., Soloveva N. A. *Gumanitarnyy vector* (Humanitarian vector), 2015, no. 2, pp. 104–111.
8. Kozinets A. I. *Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya* (Oikumena. Regional studies), 2016, no. 2, pp. 107–122.
9. Korsun V. A. *Vestnik MGIMO-Universiteta* (Bulletin of the MGIMO University), 2010, no. 1, pp. 221–236.
10. Li Singen, Li Zhennyanyan. *Ryaska v nepogodu. Rossiyskie emigranty v Kitae* (Duckweed in bad weather. Russian Emigrants in China). Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 1997, 245 p.
11. Lyu Yuanyuan. *Imidzh Kitaya v vospriyatiu rossiyskogo obshchestva: avtoref. ... kand. soc. nauk: 22.00.04* (The image of China in the perception of the Russian society: abstract ... candidate of social sciences: 22.00.04). M., 2010. 20 p.
12. *Russko-kitayskie otnosheniya v XVII veke: dokumenty i materialy: v 2 t. Vol. 2. 1689–1691* (Russian-Chinese relations in the XVII century: documents and materials: in 2 vols. Vol. 2. 1689–1691). Moscow: Nauka, 1972, pp. 660–689.
13. Syao Huanzhun. *Regionalizm: istoricheskaya evolyuciya teorii*. Pekin: Izd-vo Pekin. in-ta teleradio-veshchaniya i pressy (Regionalism: the historical evolution of theory). Beijing: Beijing Publishing House. Institute of Television and Radio Broadcasting and Press, 2002. 256 p.
14. Hu Angan. *Strategicheskiy partnerskiy dialog mezhdu Rossiey i Kitaem. Sovremennoe sostoyanie, problemy, predlozheniya* (Strategic partnership dialogue between Russia and China. Current state, problems, proposals). Moscow: Forum, 2014. Book 1. 256 p.
15. *Tsin shi yantszyutszi. Di i tszi = Sbornik issledovanii po istorii dinastii Tsin* (Qing shi yanjiuji. Di and Ji = Collection of studies on the history of the Qing Dynasty). Beijing: Blossom Press, 1980. Part 1. p. 112.
16. Tsuy Yun. *Obrazy Kitaya i Rossii v mezhkulturnoy kommunikatsii: dis. ... kand. kulturologii: 24.00.01* (Images of China and Russia in cross-cultural communication: dis. ... cand. cultural studies: 24.00.01). Komsomolsk-on-Amur, 2011. 127 p.
17. Chzhan Hueytsin. *Mediatekst: struktura, kompozitsiya, vektory obnovleniya* (Media text: structure, composition, and update vectors). Beijing: Blossom Press, 2014, pp. 82–93.
18. Chzhan Tsunhay. *Yuan Dun ditsuyu shiczhichzhi tszyaody Chzhun-E guansi = Kitaysko-rossiyskie otnosheniya na Dalnem Vostoke na stye vekov* (Yuan Dong diqu shiyizhi yiaodi Zhong-E guanxi = Sino-Russian Relations in the Far East at the Turn of the Century). Harbin: [B. I.], 2000. pp. 14–15, 92, 187.
19. Chzhu Yunchzhen, Yan Veylin. *Rossiya i ATR* (Russia and the Asia-Pacific Region), 1995, no. 2, pp. 62–65.
20. Sha Etsin. *Hua shi tsyanbyan = Kratkaya istoriya interventsii tsarskoy Rossii v Kitay* (Hua Shi Jianbian = A brief history of Tsarist Russia's intervention in China). Ji Lin, 1976, pp. 35–43.
21. Shi Gohua. *Problemy Dalnego Vostoka* (Problems of the Far East), 1990, no. 2, pp. 228–230.
22. Yuy Yuan an. Chzhun-E lyan Lishi yantszyu (Lishi yanyiu), 1957, no. 11, pp. 50–55.
23. Fawcett L. *Interregionalism and the European Union. Post-revisionist Approach to Europe's Place in a Changing World / Ed. by M. Telo, L. Fawcett, F. Ponjaert* (Interregionalism and the European Union. Post-revisionist Approach to Europe's Place in a Changing World / Ed. by M. Telo, L. Fawcett, F. Ponjaert). Abington: Routledge, 2016. P. 33–55.
24. Shih-Jiunn Shi. *Journal of Asian Public Policy* (Journal of Asian Public Policy), 2016. November, no. 10, pp. 1–16.
25. Xinbo W. *Asia's new multilateralism: Cooperation, competition, and the search for community / ed. by M. J. Green, B. Gill* (Asia's new multilateralism: Cooperation, competition, and the search for community / ed. by M. J. Green, B. Gill). N. Y.: Columbia University Press. 2009. 382 p. P. 55–77.
26. Zhang W-W. *The China Horizon: Glory and Dream of a Civilizational State* (The China Horizon: Glory and Dream of a Civilizational State World). Century Publishing Corporation, 2016. 300 p.
27. Zhukov A., Bernyikevich T. *MATEC Web of Conferences. electronic edition* (MATEC Web of Conferences. electronic edition), 2018, p. 10003.

Информация об авторе

Романова Нелли Петровна, д-р социол. наук, профессор, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: гендерная социология, деловые коммуникации, управление человеческими ресурсами
vgromanow@yandex.ru

Жуков Артем Вадимович, д-р филос. наук, профессор кафедры философии, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: религиоведение, этнография, антропология, краеведение, музееведение, история и культура народов Забайкалья
artem_jukov68@mail.ru

Кононов Сергей Викторович, канд. филос. наук, ст. преподаватель, Дальневосточное высшее общевойсковое командное училище им. Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского, г. Благовещенск, Россия. Область научных интересов: философия, этнография, проблемы национальной безопасности, региональная культура приграничья, российско-китайское приграничье
kononov7744@yandex.ru

Information about the author

Nelly Romanova, doctor of sociological sciences, professor, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: gender sociology, business communications, human resources management

Sergey Kononov, candidate of philosophical sciences, senior teacher, Far Eastern Higher Combined Arms Command School named after Marshal of the Soviet Union K. K. Rokossovsky, Blagoveshchensk, Russia. Sphere of scientific interests: philosophy, ethnography, problems of national security, regional culture of borderlands, Russian-Chinese borderlands

Artem Zhukov, doctor of philosophical sciences, professor, Philosophy department, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: religious studies, ethnography, anthropology, study of local lore, museum study, history and culture of people in Transbaikalia

Для цитирования

Романова Н. П., Жуков А. В. Кононов С. В. Образы социальной и религиозной безопасности региона российско-китайского приграничья в китайских исследованиях // Вестник Забайкальского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 97-106 . DOI: 10.21209/2227-9245-2021-27-4-97-106.

Romanova N., Zhukov A., Kononov S. Images of social and religious security of the Russian-Chinese border region in Chinese research // Transbaikal State University Journal, 2021, vol. 27, no. 4, pp. 97-106 . DOI: 10.21209/2227-9245-2021-27-4-97-106.

Статья поступила в редакцию: 29.04.2021 г.
Статья принята к публикации: 11.05.2021 г.